

<Патриарх НИКОН>

Письмо патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу

Великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу. Богомолец ваш, государев, смиренный Никон патриарх бога молю, да *подасть* ти господь бог мир и здравие и да утвердит господь престол святого царствия твоего во многия лета во славу Христа, бога нашего, и всем православным христианом в радость и веселие вечное. Аминь.

В прошлом, государь, во 160-м (1652) году божиею волею и твоим, великаго государя, изволением, и всего освященного собора избранием был я, богомолец ваш, поставлен на патриаршество, не своим изволом, но божием изволением и твоим, великаго государя, и всего освященного собора избранием. А я, ведая свою худость и недостаток ума, множицею тебе, великому государю, бил челом, что мене с такое великое дело не будет. И твой, великаго государя, глагол превозможе*. И по прехождении триех лет бил челом я тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, пожаловал мене, отпустил в монастырь. И ты, великий государь, изволил и еще другую три года быти. И по прехождении других триех годовъ пакы бил челом тебе, великому государю, чтоб ты, великий государь, отпустил меня в монастырь. И ты, великий государь, милостиваго своего указу не учинил. И я, видя то, что мне челобитьем от тебя, великаго государя, не отбыть, и начал тебе, великому государю, досаждать и раздражать и с патриаршества сошел без твоего, великаго государя, *указу* в Воскресеньской монастырь¹.

И ты, великий государь, подражая небесному отцу и богу в щедротах, и в Воскресеньском монастыре милостию своею не забыл,

* Пересилил.

всякою милостию своею посещал: и пироги имянинные присылал, и милостыню. И я ту твою, великаго государя, милость со презорством* принимал, а все то делал, чтоб мне от твоей милости забвену быти. И случися мне некогда в Воскресеньском монастыре болети, а тебе, великому государю, про ту мою болезнь учинилось ведомо, и ты, великий государь, прислал посетите Афанасия Матюшкина со благими твоими и милостивыми обеты и утешительными словами, что, де, ты, великий государь, не имаше мене оставити, ни презрети и до смерти. И я о той милости не зело порадовался.

А потом наветом враг моих к тебе, великому государю, Романа Бобарыкина и Ивана Сытина², с ними же и иных клеветами и лжами их, возрасте меж нами великия смута, великая. Они же меня обидели, они же тебе, великому государю, и оклеветали всякими небылыми делы.

Да у меня же в Воскресеньском были два жидовина крещеных во имя Отца и Сына и Святаго духа. И от тех жидов един, ему имя Домиян, оставя православную святую христианскую веру, почал по старому закону жидовскую веру держать и святых постов не хранить, и во вся посты мяса ясти, и молодых черныцов развращать, для чево, де, вы не женитесь и мяса не едите, молоды, де, таковы, и иным всяким жидовским обычаем. И про то ево, Демьянка жида, учинилось ведомо мне, и я, сыскав доподлина, что впрямь развратились от святых православных христианских веры, и велел ево, Домиянка, посмирять и сослать в Ыверьской монастырь³. И тот Демьянко другому жиду, Мишке, сказал: «Не пробывать, де, и тебе без беды, ведь, де, и ты таков же, побежи, де, к Москве и скажи, де, за собою государево слово». И тот, побежав к Москве, сказал за собою твое, великаго государя, слово. И ты, великий государь, присылал для друга жида, Домьянка, думнова дьяка Дементия Башмакова да голов, и тово Домьянка со женою ево и з детьми, и Мишкину жида жену и детей, и на ково они сказали, и твях поймали же. А в то же время и из нашей кельи молодые черницы в жидовской ереси и учении были и в казне у меня покрали деньги и платье, и тем им жидом помогали. Да им же помогал архимандрит Чюдовской, потому был он, архимандрит, у меня в Воскресеньском монастыре и в Ыверском в строителях многое время, и не считан ни в чом. И я хотел считать, и он ушел к Москве, и добрыми людьми тебе, великому государю, одобрен, и ты, великий государь, почал жаловать ево, знать. А Демьянко жид и в Ыверьском монастыре женою своею поклепал отца ее духовнаго да иных многих старец иными злыми

* С гордостью.

доводными* дела. И я ему не поверил, ведаючи от божественнаго писания и правил святых апостол и святых отец, писано особно о них в правилех, что их, новокрещеных, нигде во свидетельство не принимать, у них то и дело похвально, чтобы на ково солгать, на священный чин. Не не весть** твоя, великаго *государя*, мудрая совесть, како на Христа бога лжесвидетельствоваху и на святаго первомученика, и на Павла апостола, о них же в Деяниях писано есть.

Да как ты, великий государь, посылал во Царьград к патриархом о моем деле⁴ и ко иным патриархом Мелетиа чернца, и я, ведая ево, Мелетиево, лукавство, убоясь тамошняго осуждения по ево оглаголанию, писал ко вселенскому константинопольскому патриарху и ко иным. И тебя, великаго государя, то мое письмо не утаилось, яко аггела божия, и в том прощения прошу себе и прочим, которые тому делу повинны, — рождшагося ради Христа бога, остави.

Да ты же, великий государь, собрал собор⁵, в них же председатели быша Паисей, папа и патриарх александрский, Макарий, антиохийский патриарх, и со иными митрополиты и архиепископы, и епископы, и с рускими властью. И егда позван я на собор, и ты, великий *государь*, подходя ко мне, *говорил*: «Мы, де, тебя позвали на честь, а ты, де, шумишь». И я тебе, великому государю, говорил, чтобы ты, великий государь, мою грамоту на соборе том не велел чести, а переговорил бы ты, великий государь, наедине, и я бы все зделал по твоей, великаго государя, воле. И ты, государь, так не изволил, и я поневоле против своих писаных слов говорил тебе, государю, прекословно и досадно, и в том прощения же прошу.

Да ты ж, великий государь, присылал подклюшныка⁶ своего, государево, жалованья ко мне на Лыков двор своея трапезы стол против двоих патриархов и иные всякие запасы, и питие. И я то твое жалование отринух и не принял, и тем ты, *великаго* государя, обещстил же — господа ради, прости. Да ты же, великий государь, присылал свое жалование с Родионом Матфеевичем Стрешневым, денег несколько и мехов лисьих, и песцов, и соболей. Аз же, грешный, и то твое *жалованье* не принял, и тем тебя, великаго государя, прогневал — Христова ради Рождества, прости.

И сих ради всех моих вин отвержен есмь в Ферапонтов монастырь⁷ в *ссылку*, и есть тому шестой год, а как в келье затворен, и тому четвертой год. И отперва всяко хотел поискуситись, по писаному: «Прелюто бо есть и воистину бедно, иже кому гнев царьский

* Обвинительными.

** Знает.

понести». Но аз никоторова зла от тебя, государя, *ни видел, разве милости, ни слышал, и все со благодарением терпел; все злое видел от приставов, яко же от первых, тако и ныне. И есмь ныне болен и наг, и бос, обжогся и обносился до нага, и креста на мне нет третьей год; стыдно и во другую келью выйти, идеже хлебы пеку и варю, понеже многие части зазорные непокровены. И со всякия нужды келейныя и недостатков оцынжнел**, руки больны, левая не подымается, очи чадом и дымом выело, и есть на них белма, из зубов кровь идет смердящая, и есть не терпят ни горячева, ни студенова, ни кислова, ноги пухнут. И сего ради не могу церковнаго правила править, а поп един, и тот слеп, и говорить по книгам не видит. А еже бы попользоваться мало — нечим; кое и есть платишко не келейное, и приставы продать не дадут, да и не купит нихто, боясь приставов. А ко мне и приходу никому нет, и *милостыни* попросить не у ково; дороги отложены от монастыря далеко, чтобы и глаза наши никоно не видели мимо ездящих и ходящих.

А вся сия Степан Наумов⁸, себе ради, наведе на мя за то, что я ему и в очи, и за очи говорил о неправдах его, что многих старцев и слуг, и крестьян бил и мучил, и посулы имал. И я ево, Степана, мучителем и лихоймцом называл, и дневным разбойником. А он, Степан, не терпя моих слов, затворил мене в келье с Николина дни, майя с 9-го дни, до Ильина дни на смерть и запасов давать никаких не велел. А у нас только было своих сухарей и круп немного, кое с собою привезли, то и ели; что худшее травы, ея же младую варят во штях, *и то* ел, снить, и борщ, и грибы. И *заповедь* под смертною казнию положил, и стрельцам и к окнам приходить не велел, ни *старцам*. И я воду носил и дрова сек сам.

И не ведаю, коими судьбами учинилось тебе, великому государю, ведомо, и ты, великий *государь*, подражая отца небеснаго щедро-там, (по писаному: «Будете, — рече, — щедри, яко же и отец ваш небесный щедр есть»), и того ради прислал Ивана Обрасцова с милостивым своим указом. И, приехав, Иоанн учинил нам свободнее и в Бородавском озере⁹ велел ловить на нас неводом. И я зделал свой невод и ловил, и твоим, государевым, жалованьем сыт был. И Ферапонтова монастыря из Шеконской ловли¹⁰ велел имать по надобью. А ему, де, Степану, велено твое, государево, наказание учинить. И он никакова наказания ему не учинил, только в хлебной избе часа з два посидел.

И он, Степан, немного спустя, почал мучить мене пуще и первого. Из Бородавской ловли рыбы не велел имать — у мене, де, такова

* Заболел цынгой.

указу государева нет, что з Бородавы рыба имать. А коли пошлешь к Степану для какова запаса, и он слушки к себе не пустит, а вышлет малова сказать, что ему ныне не время, прииди, де, в иное время; и слушка ходит наонов* десеть для одново дела. А коли выглянет в окно Степан, и то с великим шумом говорит: «Я, де, в монастыри писал, чтобы, де, прислали запас, де, и они не слушают. А у меня такова государева указу нет, что на них править; дадут, де, — добро, а не дадут, де, — и мне, де, их не на правез поставить». Да с слушкою же приказывает: «Скажи, де, ему, пора, де, прихотите оставить, ежь то, что дадут». А у нево, *Степана*, человек по 20 было на хлебе. Да он же, Степан, пива без престани варил и вина курил, и в вотчины много запас отпускал; а мне которое и пришлет, и тово есть никак нельзе, горкое да гнилое; такожде и рыбу присылал лежалую и не колотую¹¹.

Да как ты, великий *государь*, присылал Родиона Матфеевича Стрешнева с вестью и с милостынею, что, де, государыни царицы и великие княгини Марии Ильичны не стало, и мне б ее простить и поминать вечно, и твое бы жалование принять тысеца рублей; ему, Родиону, сказал, что господь бог простит, и поминать ея, государыню, рад за многую ея милость первую. А денег я твоего, государева, жалования не взял для того, что я у вас, государей, не наймит**, за вашу милость, государеву, должен и так бога молить, яко же и молю. И Родион Матфеевич мне говорил: «Возми, де, ныне государево жалование ныне, а будет, де, и большая тебе присылка, а потом, де, и все доброе будет». И я ему, Родиону, сказал: «Коли государева милость будет, тогда и деньги не уйдут, а ты доброму делу буди ходатай». А иное, ей, великий *государь*, и за великую скорбь по государыни царице и по детках ваших, государевых, обезпаметовался, и в том прощения прошу, Христова ради Рождества. А по государыне царице во всю сороковицу *Псалтырь* и Канон пел, и поминаю даже и до днесь незабытно.

А после Родиона Матфеевича у Степана пир был великой, звал окольных детей боярских и со женами их и перепоил их замертво. И они, разьежаючись, ехали по озеру пьяни, блевали из саней. А пир был заздравной, а не понахидной, неведомо, для чово и для какой радости. И после Поста и Светлой недели, по твоему, государеву, *указу* правили в монастыре сороковицу, а он, Степан, не дождався совершения, поехал, нарядясь, со женою сядши в одних санях. А перед ними ехали твои, государевы, стрельцы, нарядясь

* Раз.

** Наемный работник.

в красные кафтаны, а за ним, Степаном, каптана* красная и *тащут* санники** белые. И я, видя то ево безболение о вас, государех, вышод на крыльцо, на карауле являл, глаголю: «Ныне у наших государей на *Москве* плач и сетование, а у Степана ныне радость и веселие, и государевым людем перед собою и перед женою своею велит ездит».

И паки, как к Степану весть пришла, что грех ради наших, сына твоего, государева, а нашего государя царевича и великаго князя Алексия Алексиевича не стало, а ево, де, Степанова, девка пришла в ыную избу и говорила: «Ныне, де, на *Москве* кручина, а у *нашего* боярина радость». И говорил: «Ныне, де, у нашева колодника надежа вся погибла, на ково, де, и надеялся, и тово не стало, *кротче*, де, будет». Да у нево же, Степана, был свояк в гостях со женою, и пришол, де, некто к Степану в горницу, а жена, де, Степанова сидит за завесою со *сестрею* своею, и сестра, де, Степановой жене говорит: «Ныне, де, на *Москве* у государя царя и у всей *Москвы* кручина, что государя царевича не стало». И Степанова, де, жена говорит: «Не всем, де, кручина, есть, де, иным и радость — меньши наш колодник надеется, а нам, де, не толь страшно стало». А как в монастыре марта в 11 день по государе царевиче сороковицу править, а Степан в тот день, нарядясь, поехал в гости, а стрельцы пред ним в красных кафтанех верхами. И неведомо, как ему, Степану, ведомо учинилось, и он, Степан, приказал сотнику и стрельцам, никово не велел блиско подпускать и дороги х кельям накладывать, и самим стрельцам блиско не велел же ходить. А служек, которых в келью *пустил*, и трудников¹² — и им грозил всякими страшными прецении***, и того ради все не хотят жить, плачют да болезни на себе сказывают, чтобы не жить у меня в кельи. А куда пойдет работник, и за ними ходили всюда. А как послышал Степан перемкну себк, и он и трудников не велел пускать вон ис кельи, а слушке не велел в келью ходить, а велел в келье сказать, что, де, слушка болен, а инова, де, послать неково. И так было, покаместа и перемена пришла.

А как переменял князь *Самойло*, и он, *Степан*, прошался**** ко мне в келью для прощения, и я ево, Степана, ту *пустил*, и, посидя, стали говорить. И дошла *речь* до книг Лазоря Барановича¹³, что разосланы по твоему, государеву, *указу* по монастырям, а велено,

* Сани, зимняя повозка.

** Везут кони.

*** Угрозами.

**** Просился.

де, за них деньги платить. И та книга прислана от архиепископа и в Ферапонтов, и мне про нее ведомо учинилося, и я велел тое книгу себе принести, и Степан велел ту книгу принести, и я тое книгу смотрил. И первое в книге той написано, в лицах лист¹⁴: стоит древо, а под ним лежит великий князь Владимир Киевский, и от него сучье, а по сучью сидят бывшиа великии князи. И смотрих прилежно и видех на иных сучках твой, государев, образ подписан, а *против* твоего, государева, образа государыни царицы Марии Ильичны образ подписан. Смотрих блаженныя памяти отца твоего, государя царя Михаила Федоровича, и, помнится, не нашол. А он, Степан, в те поры у меня в кельи был, и я ему, Степану, показав, как так книгу сию, не осмотра, в мир, а в ней неподобно *написано*, будто государь наш царь произшел, а ведомо всюду, что не тово роду. Тот род великих князей пресече господь¹⁵, яко же и Саулов, не без правды, знатно то, что за многое прегрешение. И воздвиг же господь бог, яко же втораго кроткаго Давида, природнаго государя царя Михаила Федоровича, мольбы ради и прошения всего мира. А они непристойно пишут. Государь наш несть от прелюбодеяния рожден, сын и наследник блаженныя памяти государя царя Михаила Федоровича. Да другое худо, что государыня царица и великая *княгиня* Мария вместо сестры написана; худо то зделано.

И он, вскоча, почал: «Та, де, книга свидетельствована на Москве, да сам, де, государь ту книгу ведает, безчестишь, де, государей наших, говоришь». А я говорил, что я государей своих не безчещу, но оберегаю их государьской чести; тот безчестит, хто ту книгу составил и напечатал. И он почал шуметь гораздо: «Мне, де, про ето дело извещать на *Москве*». И я говорил, что про ту книгу государю некогда ведать, есть у государя много и без тое книги царственных дел. А и вся та книга непотребна, везде привожано римских учителей¹⁶ речи, а во многих местех и ереси есть римские. А хто тут был с ним, Степаном, и я им изъявил. Да он же, Степан, говорил после меня, что я называл воровскою книгою, а ты, де, для тово такую книгу воровскую купил, а я не купливал тое книгу, так почел, и видевав неправу, и отдал. И затем Степан ис кельи пошол. И он, идучи с монастыря, являл, будто я тебя, великово государя, безчещу, а ту книгу воровскою называет, будто я тое книгу только для тово и купил, что вас, государей, безчестить. А идучи он, Степан, от меня, хвалился: «Преселю, де, я ево далее Ферапонтова и теснее*». И я хотел к тебе, великому государю, писать, да не на чом, посылал

* Притеснительнее.

х приставу, чтобы дал бумаги, и он сперва хотел дать и не дал, жена ево не велела давать.

А ныне князь Самойло¹⁷ делает все по Степанову же образцу, допрашивая стрельцов, как было при Степане, а инова указу у себя твоего, государева, у себя не показывает: «Только у меня указу, велено, де, мне у *Степана* взять наказ государев, и я, де, у Степана просил наказу, и Степан, де, сказал, что, де, мне наказу не дано, и я, де, о всем писал к Москве, и с Москвы, де, мне указу нету же». И ныне, после Степановой перемены, не слышится нам никое же лихо елико, а Степан «сказывал твою, государеву, немилость и пуще заточение.

Тем же и яз зазрех себе от прежде бывших твоих милостях и любви и подражах мудрого наказанию. Индеже пишется се: «Яко ж водное устремление, тако и сердце царево в руце божи, аможе* воззоет обратить, тамо уклонит е». Егда господь бог слухом услышит молитву и моление мое и твое сердце укротит, и на милость преложит, и сотворит забыта досады моя к тебе, великому государю, и злоречие. Но не имам спомогающаго ми. Яко же Екклесиаст пишет: «Блага, — рече, — два паче единаго, яко аще падется един ею, воздвигнет его другой; горе единому, егда падет, не будет втораго помощи ему». Обратив же помысл свой, по писаному: «Вопроси, — рече, — отца твоего — и возвестит ти, старца — и рекут ти». Видех некогда, прочитая книгу Григория Богослова, подобное ми, яко таинств ради и святых торжеств, множицею оставляет согрешения бог человеческая, и не просто согрешения множицею, и даров духовных сподобляет. Яко же и в житии пишется Феодора Едесскаго: два брата изыдоста *некогдамени ради* божия в пустыню и питахуся былием. Един от них прегрешением великим согрешит, тем же и разлучистась друг от друга, падший убо брат повелен аггелом ити во Ефес и тамо умолити господя бога о гресе своем. По неколиких летех прииде ко брату, падшому во грех, аггел господень в день Пасхи, глаголя: «Мир ти, старче, от господя бога, и се ти дарова господь бог прозорлив дар». Такожде на неких местех есть и царский чин держится, еже во время святых божиих таинств или торжеств, ким же и рожества своего и чад своих, по достоинству комуждо чиновныя саны и дары роздавати, и долги должником, и грехи грешником оставлять, яко же истина слову последует. На всяк же праздник обычай бе игемону¹⁸ отпустить единого народу связня: «Хощете ли, — рече, — отпущу вам царя иудейска...» и прочее. Что чудно плясавица в рожество Иродово

* Куда.

проси, и до полцарствия своего дата ей обеща, или и вящше* попроси, и не погреси. Что бо пребольши главы Иоанна Крестителя, ему же сам Христос свидетельствуя: «Кто болий Иоанна в роженных женами, никто же есть».

Аз ничто же таково дерзаю просити у тебя, великаго государя, Рождества ради господа бога и спаса нашего Иисуса Христа, иже в наше спасение рождышагося. Яко же аггел ко Иосифу рече: «Иосифе, сыну Давидов, не убойся прияти Мариям, жены твоея, рождые бо ся в ней от духа свята; родит же сына и наречеши ему *имя* Иисус, той бо спасет люди своя от грех их». Сего ради молю и тебе, великаго государя, прошу, ослаби ми мало, да почю преже, да же не отъиду, и к тому не отъиду, и к тому не буду. И посем едино другое прошу, еже жити ми в дому господни вся дни живота моего и зрети ми красоту господню, и посещати храм святыи его. И рожденное отроча и бог, крепкий властелин мира и отец будущаго века, приведет на тя мир и здравие, и на вся сущая твоя, и иже во власти сущих, зане власть его велия, и миру его несть предела, и заступит тя судьбою и правдою отныне и до века от всех враг твоих. Послушай рождышагося днесь Христа Иисуса, блажаща милостивыя: «Блажени бо, — рече, — *милостивии*, яко тии помиловани будут». Како же и сам ты, великий государь, помилован имаши быти, не послушав ницаго своего богомольца? «Аще бо, — рече, — отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам отец ваш небесный; аще ли вы не отпускаете человеком согрешения их, ни отец ваш отпустит вам согрешений ваших». И по притчи о тме талантех рече: «Тако и отец мой небесный сотворит вам, аще не отпустите каждо брату своему от сердец ваших прегрешения их».

Посем не вем, коими бы молитвами благоугодными тебе, великому *государю*, помолился и коих ради заповедей божиих оставление бы получил, паче сих, аще и весь лик заповедей божиих преставил бы. Ибо сам господь, всю широту Ветхаго и Новаго закона собрав, во двою заповеди положи — еже любити господа бога и ближняго своего, яко сам себе. «Сею бо, — рече, — обою заповедию весь закон и пророцы висят». Сему подобно и Павел апостол глаголет: «Любяи бо, — рече, — закон сконча». И паки: «Исполнение закону любы есть». Малы дары множицею судию умилоставиша, худы две медницы всего века множество богатящихся преодолеша славою, смирена молитва мытаря оправда, образ всем бысть смиренным о Христе, мало слово разбойника спасе и рая жителя показа. Тем же и аз, оного подражая, зову: «Помяни мя, господи царю, во царствии своем,

* Больше.

да и тебе господь бог помянет во царствии своем небесном». А жне от мене, смиреннаго, тебе, великому государю, мир и благословение отныне, и семени твоему до века. Аминь.

Свидетельствую своею бедною рукою и страхом Божиим. Аминь. О письме, великий государь, не покручинься, господа ради, что худо и не исправлено. То и черное и белое, у себя иного не оставил, а се мало вижу.

Бог отец о имени сына своего, господа нашего Иисуса Христа молитву приемлет и просимое дает, яко же свидетельствует слова истина: «Аще, — рече, — чего просите о имени моем от отца моего, даст вам». Сего ради и аз о имени Христа бога и святого ради Рождества его прошу, не премолчи о нашем к тебе, великому государю, прощении, да не в суд ти будет писание се и прошение наше. Здрав буди и нас, сырых, во царствии своем не забуди.

